

ВИШНИ ДЛЯ МАРИИ

ТАТЬЯНА
ТРОНИНА

— Дарю Еву —

Татьяна Михайловна Тренина

Вишни для Марии

Серия «Дочери Евы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18399958

Тренина, Татьяна Михайловна. Вишни для Марии : [роман]:

Издательство «Э»; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-88162-8

Аннотация

Марию нельзя назвать безгрешной, ведь ее любовник – женатый человек, у него трое детей, и совершенно ясно, что он никогда не разрушит семью. Их связь напоминает мед и длится словно по инерции, а Мария все больше чувствует себя мухой, попавшей в блюдечко с липким десертом. Но однажды в поселке появляется новый человек – хозяин вишневого сада, расположенного по соседству с домиком Марии, – и непростая, но налаженная вроде бы жизнь молодой женщины стремительно меняется.

Татьяна Тренина

Вишни для Марии

© Тренина Т., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Марию разбудил какой-то неясный, едва слышный монотонный шорох, источник которого находился именно тут, в комнате... Он слышался явственно, хотя за приоткрытыми окнами звучала целая какофония звуков, сплетенных из собачьего лая, людских голосов, велосипедного перезвона, стрекотания кузнечиков и еще какого-то отдаленного, мрачного гудения – наверное, от пролетающих в небе самолетов...

По утрам в поселке всегда было довольно шумно, но то – шум привычный, незаметный.

Сейчас же недовольная, некстати разбуженная Мария открыла глаза, сощурилась от ослепительно-белого света, пробивающегося сквозь легкую кисею, и увидела бабочку.

Это бабочка билась в окно, рвалась на волю, то замирая, то вновь принимаясь колотиться о прозрачную преграду.

Глупая бабочка. Неужели так и не догадалась, что все ее попытки пробить стекло обречены на провал? Что надо отлететь в сторону – и лишь тогда можно оказаться на свободе, вырвавшись сквозь оконную щель?

Нет. Бьется и бьется, трепыхается и трепыхается, рвется

вперед, не жалея своих красивых крылышек...

С ощущением раздражения и одновременно жалости Мария вскочила, сдвинула кисейную занавеску и распахнула окно шире... Бабочка еще раз метнулась туда-сюда, а потом упорхнула наружу, в мир – к солнцу и цветам.

«А Костик-то где?» – спохватилась Мария.

И словно в ответ – в глубине дома засвистел чайник, зазвенела посуда. А еще через несколько мгновений из кухни потянуло сильным ароматом настоящего, свежесваренного кофе. Мария не любила настоящий кофе, любила только его запах. От самого напитка у нее сжимался желудок, горечь подкатывала к горлу...

Она пила растворимый, когда оставалась одна, от растворимого ее организм не бунтовал, и молодая женщина была вполне довольна жизнью.

Но Костик считал растворимый кофе – помоями, а тех, кто его пьет, – плебеями. Мария с ним не спорила, терпеливо поглощала то, что готовил ее возлюбленный.

Еще бы ей протестовать! Костик покупал где-то в Москве, в каких-то тайных местах, известных лишь гурманам, необыкновенные и редкие сорта кофе, привозил его Марии, сам варил, приносил ей в постель...

Ах, ну да. Мария юркнула обратно под одеяло. И вовремя – через минуту распахнулась дверь, в комнату торжественно вошел Костик с подносом.

– Все-таки проснулась? – ласково спросил он. – Ну, с доб-

рым утром, Мари.

Он всегда называл ее Мари. И Марии это нравилось. Не «киса» и не «зая», а что-то такое, изящное, с французским подтекстом... Молодая женщина улыбнулась. Костик поставил ей на колени поднос с маленькой фарфоровой чашечкой. Мария отпила кофе – словно чернил хлебнула. Но виду не подала.

– Вкусно? – спросил Костик. – Это какой-то вьетнамский новый сорт.

– Немного непривычно... – осторожно заметила Мария.

– Вот, ты тоже это почувствовала! – обрадовался тот. – Такой горьковатый, глубокий, насыщенный...

Он стоял и любовался, как Мария пьет кофе.

И она тоже вдруг забыла о том, что не любит этот напиток, гораздо важнее была ее любовь к этому мужчине.

Потом, за те четыре года, что они встречались, от Костика она видела только хорошее. Очень ласковый, очень нежный и добрый мужчина. Он не был способен ни на гадость, ни на грубость.

Поначалу, при первой встрече, Костик показался Марии – нет, не некрасивым (она не делила людей на некрасивых и красивых), а скорее смешным. Невысокий, худенький, но притом – с небольшим «животиком», с круглыми, близко посаженными к переносице, темными глазами на круглом же лице, стриженными волосами, торчащими вверх. Очень энергичный и разговорчивый. Воробышек. Воробей-воробыш-

ка, забавный и милый мужчина, ничуть не напоминающий героя-любовника.

Лишь потом, привыкнув к Костику, Мария уже не находила в нем никаких недостатков. Он же сразу, с ходу стал относиться к Марии как к принцессе, необыкновенному ангелу, неземному созданию. Он поклонялся ей, он постоянно делал какие-то приятные мелочи, от которых у Марии становилось тепло на душе.

А душа-то – она важнее желудка.

Костик все стоял и смотрел на нее, как-то уж слишком печально, ласково смотрел.

– Ты опять уезжаешь? – догадалась Мария, проглотив последнюю капельку черной, горькой жидкости.

– Ага, – сокрушенно кивнул Костик. – Прямо сейчас. Отдел еще в одном торговом центре открываем, в Химках.

– О, поздравляю!

– Спасибо. Вот уж не думал, что наш бизнес окажется таким выгодным... Будем, кстати, продавать новый сорт сыра, ничем не хуже хваленых зарубежных.

– Торопишься? погоди, я сделаю тебе завтрак, – вскочила Мария, накинула на себя халат, тоже подарок Костика – шелковый, легкий, яркий. – До Москвы четыре часа ехать, а то и пять! Ты же не станешь в какой-нибудь придорожной забегаловке есть.

– Омлетик хочу, – застенчиво признался возлюбленный. – Обожаю твои омлетики. С помидорками и зеленью.

– Конечно-конечно, с помидорками и зеленью...

Быстро, минут за пять, Мария приготовила завтрак – для своего любимого и для себя.

Костик с аппетитом проглотил омлет, допил все то, что оставалось еще в турке, а затем, вздохнув, поцеловал Марию на прощание и выскользнул из задней двери дома, ведущей во внутренний дворик. Она же наблюдала за возлюбленным из окна... Как Костик отворяет калитку в заборе, высунул голову наружу и замер на некоторое время. И только убедившись, что никто за ним не наблюдает, поблизости нет гуляющих (в негустой роще за калиткой или за рощей, в поле), Костик исчез целиком...

После его ухода Марии стало грустно.

Она вернулась на кухню, развела в чашке своего обычного, растворимого кофе (надо же залить этот пожар, бушевавший в желудке!) и включила переносной телевизор.

Выступал какой-то мужчина в белом халате – пожилой, восточного вида, с красивыми, четкими, словно нарисованными бровями. Внизу экрана надпись: «Профессор Балкисан И.А.»

«...В основе этого препарата – кортизол. Но я не стану загружать вас, дорогие телезрители, медицинскими терминами и всеми теми биохимическими процессами, которые происходят в нашем организме. Скажу коротко – все те эмоции, которые нами владеют, это результат выброса гормонов. Выбрасывается в кровь один гормон – мы испытыва-

ем страх. Другой – радость и удовольствие... И так далее. А что, если изобрести препарат, который устранял бы негативные эмоции, которые нами подчас владеют, и добавил бы м-м... ощущение счастья? Да, да, ощущение счастья – это тоже результат действия определенных гормонов. Конечно, счастьем обычно «накрывает» после каких-либо приятных событий, а можно ли стать счастливым, не прилагая к тому особых усилий? Можно. Но! – профессор Балкисан загадочно улыбнулся, обнажив ровные белоснежные зубы, контрастирующие с его смуглым лицом. – Все те средства, которые могут, хе-хе... привести нас в состояние эйфории – как лекарственные, так и, скажем, народные... я, конечно, имею в виду алкоголь, о каких-либо наркотических веществах даже упоминать не хочу... Так вот, все те химические средства, что могут повысить нам настроение, обычно имеют множество побочных эффектов. Существует ли она, идеальная таблетка счастья?»

– Надо же... – заинтересованно пробормотала Мария. – Таблетка счастья? Как просто...

«Да, – царственно кивнул ей с экрана профессор Балкисан. – В лаборатории под моим руководством было изобретено вещество, способное повысить настроение, и без какого-либо побочного действия. Но, разумеется, если у вас нет аллергии на какой-либо из его компонентов. Я так и назвал это лекарство – «Таблетка счастья». И у нее нет каких-либо противопоказаний. Совсем скоро, после клинических испы-

таний (а они уже почти завершены), таблетку запустят в производство. Но, разумеется, прежде чем принимать это лекарство, лучше сначала проконсультироваться с врачом. И еще надо помнить, что чуда тоже не случится. Таблетка не решит ваших проблем. Но она придаст хорошего настроения. Оптимизма. Нет, вы не испытаете бурной радости и безумной эйфории. Просто у вас исчезнут мрачные мысли, тоска, вы почувствуете прилив сил – для того, чтобы потом спокойно решить все ваши проблемы...»

Мария с интересом слушала профессора, изобретшего столь полезное лекарство. С одной стороны, она верила в силу науки, с другой... «Ну ясное же дело, на таких таблетках можно обогатиться. И название подходящее... Очень удачный маркетинговый ход! Интересно, а я – счастлива? Мне нужна эта таблетка?»

Мария потянулась, прислушалась к себе. Вроде все хорошо, нигде не болит, не ноет. Она здорова – молодая, тридцатичетырехлетняя женщина. Нет, девушка, мысленно поправила она себя. В этом возрасте в наше время спокойно можно называться девушкой. А еще она – красивая. Не красавица, но именно что – красивая, и этот факт признавали все окружающие, как мужчины, так и женщины. Из несомненных достоинств – тонкая талия и грива темных выющихся волос. К тому же Мария умная. Образованная. Да, пусть и не совсем реализованная... Диплом исторического факультета МГУ, а работает сейчас учительницей в сельской школе. Но зато –

на природе, среди чудесных людей, дети ее любят. Она живет в собственном доме! Да, возможно, кому-то для счастья нужна Москва, но она, Мария, нахлебалась этой Москвы по самое горло...

Здесь, в Дербенево, реально, по-настоящему хорошо. Свежий воздух, здоровые продукты. Денег маловато? Но для нее, именно для нее, Марии, деньги несущественны.

Любовь?.. Любовь у нее тоже есть. В лице Костика.

У нее все есть. И значит, она счастлива. Счастлива без всяких таблеток.

...Мария спустилась с другого крыльца, которое называла в шутку «парадным» (оно выходило в сторону улицы), закружилась на траве, пытаясь усилить ощущение счастья. Закрыла глаза, потянула ладони к горячему июльскому солнцу, словно пытаясь вобрать в себя всю его силу. Но до конца почему-то так и не почувствовала себя счастливой. Словно что-то мешало.

Кружась, чуть не споткнулась, засмеялась смущенно. «А вот возьму и пойду сейчас на речку, не стану ничего делать! Каникулы у меня!»

Слева, за высоким сплошным забором, были видны верхушки вишен, усыпанных темно-пунцовыми, крупными ягодами. Там, на соседнем участке (владелец его пропадал годами где-то, Мария и не помнила, не знала его), так вот, на этом огромном участке раскинулся вишневый сад. Настоящий, чеховский. Роскошный. Уже немного запущенный, ко-

нечно, хотя сторож сада, Ахмед, и пытался там навести порядок.

Именно эти вишни за соседним забором являлись предметом зависти Марии. Ну как зависти? Так, легкого сожаления... У Марии-то вишни не росли.

«Ну вот, я поняла – для полного счастья мне не хватает этих вишен в своем саду!» – догадалась молодая женщина.

Напротив Марии, чуть левее через дорогу, находился дом Ксении Рожкиной, дачницы. Зимой Рожкина жила в Москве, а все теплое время года проводила здесь. Не работала, жила на те деньги, что получала от сдачи двух квартир. Одна досталась Ксении Рожкиной от родителей мужа, ныне покойного, другая – от какой-то дальней родни. В Москве, в третьей квартире, жили дети Рожкиной, уже взрослые – именно туда она сама уезжала «зимовать».

Чуть правее располагался дом Нелли Ласунской. Была Нелли того же возраста, что и ее соседка Рожкина – лет этак сорока пяти. Тоже вдова, взрослые дети в Москве, а сама Ласунская – только наездами там... Но в отличие от Рожкиной Нелли Ласунская работала редактором в крупном издательстве. Постоянно с папками бумаг под мышкой, в очках с толстыми стеклами, сдвинутыми на кончик носа, бегала она от станции к дому... Нелли откровенно презирала «бездельницу» Рожкину, хотя то и дело «стреляла» деньги у соседки-рантье.

Мария вышла из своей калитки на улицу. Нелли Ласун-

ская маячила здесь, рядом, – за невысоким штакетником торопливо обирала малину на своем участке и тут же забрасывала ягоды себе в рот. Невысокая, пухлая, с коротко стриженными непокорными волосами белого цвета, в круглых очках – Нелли, несмотря на вполне зрелые годы, видом своим напоминала сердитую девочку детсадовского возраста.

– Доброе утро! – поздоровалась Мария.

– Привет. Ты куда? – добродушно, но с каким-то скрытым вызовом спросила Ласунская.

– На речку. Вот решила искупаться. – Мария покрутила в воздухе полотенцем.

– Маш...

– Да?

– Поди сюда, – нетерпеливо позвала соседка. Мария приблизилась. – Это, конечно, совсем не мое дело, и я не любительница сплетни собирать в отличие от нашей мадам Рожкиной... – Ласунская с брезгливостью покосилась на соседний участок бездельницы-рантье. – Но ты не думай. Люди давно все видят, все знают. Это большой грех.

Сердце у Марии сжалось. Она поняла, на что намекает соседка.

– Я знаю, что грех, – покорно кивнула Мария.

– Ты думаешь, никто не видит, как он пробирается вечерами к тебе, а утром сбегает? Костя твой... Да вся деревня видит.

– Так уж и вся...

– Маш, это тебе не Москва, там хоть на глазах убивать будут – никто и не почешется. А это закрытое, обособленное пространство – Дербенево наше...

– И как быть? – устало, уже полностью растеряв то ощущение счастья, которое охватывало ее недавно, спросила Мария. Вопрос чисто риторический, но, похоже, Нелли Ласунская знала на него ответ.

– Это совсем не мое дело, но ты должна с ним расстаться. С купчишкой этим твоим...

В Дербенево Костика, владельца сыродельного завода, располагавшегося на той стороне реки, на отшибе, за глаза называли «купцом».

– Он женатый человек! – подняв палец, грозно прошептала Ласунская. – У него трое детей. Трое!

– Я знаю.

– Да что ты все заладила – «я знаю», «я знаю»... Рви с ним, и поскорее. Представь, что станет с его женой, когда ей какие-нибудь добрые люди о тебе доложат?

– Да кто ей о Машке доложит? – раздался неожиданно другой женский голос. Это была Ксения Рожкина – та, что жила левее. Она тихо подкралась к забору и теперь, пробравшись сквозь заросли своего малинника, подключилась к разговору Нелли и Марии.

Ксения Рожкина являлась полной противоположностью Нелли Ласунской. Ухоженная, стильная, статная дама, без намека на суетливость. Всегда прекрасно, по-городскому

одетая (никаких там резиновых галош и шерстяных кофт).

– Ксюша, ты... – наморщила носик Ласунская. – Неприлично так подкрадываться.

– Неприлично лезть в чужую жизнь, – парировала Рожкина. – Кто расскажет жене Кости о Маше? Жена Кости, как ее там... Людмила, что ли? Так вот, Людмила сюда сроду не ездила. Она в Москве сколько лет уже живет с детьми.

– Вот именно, с детьми! – взвилась Ласунская. – Дети, бедные дети! Людмила с ними там надрывается, значит...

– А почему сразу бедные? Почему надрывается? Эта Людмила как сыр в масле катается... в буквальном смысле причем. Ее супруг неплохие деньги получает со своего сыродельного заводика, чего ей жаловаться?

– А ты, Ксюша, опять все деньгами меряешь, да? – язвительно спросила Ласунская и пальцем, испачканным малиной, поправила очки, сползшие на кончик носа.

– А ты, Нелечка, все морали читаешь, – парировала Рожкина. – Сама не живешь и другим не даешь. Маш, а ты не вздумай с Костиком расставаться. Если у вас любовь, то вы имеете полное право на счастье.

– А дети?! Как Костик может бросить родных детей? Троих?! – Ласунская даже побагровела от возмущения.

– А они сейчас как будто часто его видят. И почему «бросить»? Бросают – это когда без денег и без помощи оставляют. Можно оставаться хорошим отцом, не состоя в браке с матерью своих детей. Вон, посмотри на этого товарища... –

Рожкина показала на пропитого, в грязной одежде мужика, который, пошатываясь, брел по дороге. – Шляется тут который день, попрошайничает. Наверняка у него есть где-то дети! И вот он им действительно не помогает, он их бросил.

– Ладно, пойду, – вздохнула Мария.

Рожкина и Ласунская не заметили ее ухода, продолжили словесную пикировку. Уходя, Мария еще долго слышала их голоса.

Ни на ту, ни на другую соседку Мария не обижалась. В сущности, обе они сейчас озвучили все те сомнения, которые мучили молодую женщину на протяжении последних четырех лет. Да, Костик – женатый человек. Отец троих детей – семнадцати, пятнадцати и тринадцати лет. То есть детей, находящихся в самом сложном, переходном возрасте.

Причем Мария с самого начала знала, что ее возлюбленный несвободен, и не собиралась с ним связываться. Это ведь и правда грех. Это нехорошо, недостойно современной, самодостаточной женщины – затевать роман с женатым.

Но как-то так получилось, что они стали встречаться с Костиком. Словно сама судьба вела Марию, а не она распоряжалась своей жизнью. Возможно, все дело в одиночестве молодой еще женщины, в ее желании чувствовать себя нужной и любимой. Получать, хоть украдкой, кусочек своего счастья. Иначе без любви и жить незачем...

Ну да, они сошлись – Костик и Мария, именно тогда, когда Мария потеряла там, в Москве, всё, буквально всё, и по-

селилась в этой деревне окончательно.

Первая зима в Дербенево – бесконечная, с ранними сумерками, холодная, тяжелая. Марии, городскому, столичному человеку, пришлось сразу окунуться в совершенно другую среду – с паровыми котлами, замерзающими трубами, туалетом на улице; пришлось смириться с отсутствием ванны...

А она привыкла к столице, к вечерним прогулкам по центральным улицам, к походам в театр или на выставку, привыкла, что все ее проблемы быстро и сразу же решаются: коммунальные службы чинят трубы, латают дыры в крыше, чистят тротуары, сажают цветы на клумбах... Заболеешь – примчится «Скорая», влезут в дом грабители – можно вызывать полицейских.

Тут же, в Дербенево, одна надежда – на себя. Самой все делать, лично договариваться с людьми, чья помощь может тебе понадобиться...

Это все, конечно, не смертельно, и никакая не трагедия. Трагедия – это когда ночуешь под мостом, или когда становишься инвалидом. Или дети рождаются больными... Или умирает кто-то, кого любишь больше жизни.

А то, что произошло с ней, с Марией, – это не трагедия. Это просто драма. Мария жива, здорова (опять же, не надо фельдшерицу из соседнего села вызывать), молода, красива, у нее имеется собственное жилье, у нее есть работа, у нее даже возлюбленный в наличии!

– Я счастлива, я счастлива... – бормотала она себе под нос, пока шла к реке.

У реки народу было немного. Аня Соломина, ученица Марии, с какими-то девчонками («Здрасть, Марь Иванна!» – «Здравствуй, Анечка!»), двое мужиков с обгоревшими на солнце красными шеями сосредоточенно пили пиво из бутылок, и где-то вдалеке – компания с шашлыками, музыкой, приехавшая на машине.

Мария постелила полотенце на землю, заколола тяжелые волосы на затылке, сбросила с себя платье и сразу же по песчаному берегу, цепляясь за корни деревьев, спустилась в воду. Осторожно, чтобы опять же не споткнуться о какую-нибудь корягу, сделала несколько шагов вперед и поплыла.

Вода – теплая, непрозрачная, но довольно чистая. Несколько взмахов руками – и вот ты уже на середине реки. Тут расслабляться нельзя – течение сильное, того и гляди унесет, возвращайся потом.

Молодая женщина плавала и думала о том, что хорошо бы превратить эти мгновения в вечность. Это небо, это солнце, это лето... Пусть лето не закончится никогда.

Наконец, вдоволь наплескавшись, Мария повернула к берегу. Быстро вытерлась полотенцем, натянула платье и пошла прочь. Кто-то из той компании, что на машине, засветил ей вслед. Но Мария даже головы не повернула.

Полдень. Неистово стрекотали кузнечики в высокой, пожелтевшей траве. Прожужжала пчела рядом. Мария от нее

отмахнулась. Вот только что, когда вышла из воды, было прохладно, свежо, а сейчас солнце обжигает открытые плечи.

Когда она шла по улице, что вела к ее дому, надеялась – Ласунская с Рожкиной уже исчезли. Но нет, две закадычные подруги-врагини по-прежнему стояли все там же, у штакетника, разделявшего их участки. А неподалеку, у обочины, – автомобиль с откидным верхом. В нем сидел один из дачников – длинноволосый мужчина средних лет, Мария не помнила его имени, и они, все втроем, что-то оживленно обсуждали.

– Маш... Маша, поди сюда скорее! – опять замахала руками Ласунская.

Мария была вынуждена подойти.

– Ты в курсе, что твой сосед скоро приезжает? – спросила Рожкина.

– Какой сосед?

– Да тот, что слева... Владелец вишневого сада!

– А... Но я его ни разу не видела. Откуда мне знать. С Ахмедом не говорю... – пожала она плечами.

Ахмед, как упоминалось, – сторож того самого вишневого сада. Всегда злой, мрачный старик. С Машей он даже не здоровался.

– Ахмед, значит, не родственник владельца? Он действительно сторож? – с интересом спросил мужчина в кабриолете.

– И хороший сторож, – усмехнулась Мария. – Как-то видела, ходит там, за забором, с ружьем в руках...

– Дикий человек, – констатировала Ласунская. – Как будто золото охраняет. Я бы на его месте специально людей в сад пустила, пусть вишню собирают... И чего ему, жалко? Все равно ведь ягоды пропадают. Целые тонны ягод!

– Но не в этом суть, – перебила подругу Рожкина. Устин говорит, – она кивнула на мужчину в кабриолете, – что скоро приедет хозяин участка.

«Устин. Ему идет это имя. И эта машина. Странно только, что этот Устин здесь сейчас, в Дербенево, а не где-нибудь в Москве... В баре на «золотом острове», например. На веранде, с бокалом мохито...»

– Байкалов. Федор Байкалов – так его зовут, – веско произнес Устин.

«Федор Байкалов... Тоже какое-то ненастоящее имя, словно театральный псевдоним!» – рассеянно подумала Мария.

– Но и это не главная новость... – шепотом добавила Ласунская. – Устин, вы сами Маше расскажите...

– У меня есть знакомый риелтор, – любезно оповестил Устин. – И через него я узнал, что хозяин этого огромного участка собирается его продать.

– И что? – растерянно спросила Мария.

– Да как что! – в один голос закричали Ласунская и Рожкина.

– Либо владелец продает весь сад, целиком, либо делит его на участки и продает их по отдельности, – все так же безразлично-любезно пояснил Устин.

– А если владелец захочет продать сад по участкам, то у нас есть возможность купить по участку! – возбужденно произнесла Рожкина. – Я своим детям могу тут участок прикупить!!! Рядом, понимаешь?!

– И я! – закричала Ласунская, поправляя очки. – И ты, Маш, можешь купить рядом участок. Сама жаловалась, что у тебя ничего не растет из-за этих дурацких камней!

– Но у меня нет денег, – честно призналась Мария.

– Так кредит возьми! Займи! Боже мой, какая ты наивная... У Костика попроси! – всплеснула руками Рожкина.

Мария кивнула и попятилась. Ну вот, они опять за Костика взялись...

Но соседки и Устин, уже забыв о ней, принялись оживленно обсуждать перспективы продажи вишневого сада.

– ...Ну, допустим, я бы весь участок купил, целиком, – снисходительно вещал Устин. – Жалко будет, если такой чудесный сад поделят на куски, испортят природу... Этот сад – уникальное создание природы. Природы и рук человеческих. Это сама воплощенная Красота...

– Да-да, – горячо согласилась Нелли Ласунская и, кажется, чуть не прослезилась.

– Нелечка, ну это смешно! И вы, Устин, тоже сейчас не в ту сторону... При чем тут красота? – с досадой воскликну-

ла Ксения Рожкина. – Это земля. Огромный кусище земли, цена которого растет год от года. Купил его сегодня, а завтра он уже вдвое дороже! Это вложение, выгодное вложение средств! Банки могут разориться, доллар с евро будет скакать, а земля – ее цена всегда растет. Тем более та земля, что рядом с Москвой...

– Да где же рядом, три часа на электричке, а если на машине, то все пять...

– А по нашим временам – это рядом! Еще лет десять, двадцать, и дотуда Москва дотянется! А почему? А потому что рядом с Москвой все земли давно уже скупили, и стоят они заоблачно. Если мы сейчас подсуетимся, не упустим свой шанс, то в будущем можем стать миллионерами... – Эти слова Ксении Рожкиной Мария услышала, когда уже находилась у себя во дворе.

История с вишневым садом Марию мало тронула. В самом деле, на что надеяться, если у нее, у учительницы, за душой – почти ни гроша? Ну да, есть еще небольшая сумма, отложенная на черный день, но разве ее можно обсуждать всерьез?

Брать кредит Мария, осторожная и пугливая, ни при каком раскладе не стала бы.

И лишь слова Рожкиной – о том, что можно попросить деньги у Костика, – всплыли в голове, когда молодая женщина шла к дому.

То там, то тут выглядывали из земли белые камни. Иногда

большие, иногда маленькие. То едва заметные, то настоящие булыжники. Этой весной опять появились.

Когда-то, как объяснили Марии, на этом месте много веков назад стоял каменный монастырь, ровно там, где теперь находился ее участок. Потом монастырь разрушили, и руины занесло песком, землей. Но пару десятков лет назад здесь вдруг принялись выходить из земли камни – те самые, из которых было когда-то построено здание.

Говорят, это происходило из-за того, что неподалеку пробился подземный ручей, который и заставил землю то сначала промерзать, то потом оттаивать интенсивно. Почва из-за этого процесса и принялась по весне выталкивать из себя камни. Мелкие камни Мария собирала сама, уносила на задний двор, там складывала их...

Убирать большие камни она просила местных жителей, желающих подзаработать. К сегодняшнему дню на заднем дворе образовалась довольно-таки внушительная каменная стена.

Словом, участок, тот, которым владела молодая женщина, являлся весьма проблемным и требовал постоянного ухода. Ведь не уберешь вовремя камни, и на земле ничего не вырастет.

А не вырастет – голодной останешься. Поскольку Мария жила на весьма скромную зарплату учительницы, то изрядным подспорьем для нее являлись всякие заготовки из фруктов и овощей. Собственно, ради урожая Мария и не опуска-

ла пока руки, старательно боролась с камнями. Если бы молодая женщина смогла бы приобрести участок по соседству (а там земля прекрасная, и никакие дурацкие камни не мешают расти вишневому саду), то часть своих проблем она бы легко смогла решить.

Попросить деньги у Костика... Попросить деньги у Костика?

Мария никогда и ничего у него не просила, считая это унижительным для себя. Что она, содержанка какая-то... Тем более что Костик и так все время приносил что-то. То продукты, то дарил красивый халатик, то соблазнительное белье, то баловал этим привозным кофе...

И потом. Как-то нехорошо просить деньги у человека, отца троих детей. Получается, что Мария обирает этих детей? Мало того, что любовница, что она одним своим существованием приносит горе жене Костика, Людмиле, так еще и у детей деньги отнимает!

Нет, ничего просить у Костика она не станет.

Мария повесила полотенце сушиться на веревку. Рядом, за высоким забором, наклонили свои ветви вишневые деревья, усыпанные спелыми, сочными ягодами. Можно, конечно, потянуться, сорвать парочку...

И что толку от этой пары ягод? Когда там, на соседнем участке, пропадают зря тонны вишни. Вот бы их собрать – хотя бы одно ведро ягод, сварить вишневое варенье, наверное, самое вкусное варенье на земле...

Мария подошла к забору, прислушалась. Тихо.

Что, если сторожа, старика Ахмеда, нет? Спит где-нибудь в доме или смотрит телевизор? А вдруг он тут, рядом, ходит со своим ружьем... «Нет, но это глупо, не убьет же он меня из-за этой вишни!» – возразила она себе.

Мария притронулась к одной из досок в заборе, уже давно болтавшейся на одном гвозде, слегка отвела ее в сторону.

«Нет, нехорошо. Это же воровство. Хотя какое воровство, все равно урожай вишни там никто не собирает, и вообще этот шикарный сад скоро продадут...» – продолжила она спор с собой.

Молодая женщина наконец решилась – подхватила небольшое пластиковое ведро и скользнула сквозь щель в заборе на соседний участок. «Ворую, надо признаться. Учительница, тоже мне!» – с усмешкой подумала она.

Быстро, быстро Мария принялась собирать ягоды с веток, в полутьме из-за плотно растущих деревьев. Набрала уже полведра и, вдруг обернувшись, почти столкнулась с Ахмедом.

Старик стоял, подняв ружье, и, кажется, собирался выстрелить. А что, имел полное право...

– Ой, – вскрикнула Мария, испытывая невыносимый стыд. – Добрый день, Ахмед.

Тот молчал – седой, низенький, тощий, лысый, с лицом, напоминающим сморщенное яблоко. Закашлялся, но сдержал кашель – получился звук, похожий на лай. Простужен?

Удивительно, где он умудрился в июле простуду подхватить... С холодной ненавистью сторож смотрел на Марию.

– Я хотела немного вишни собрать, – тихо, извиняющимся голосом произнесла она. – Все равно же пропадет. Ну послушайте, Ахмед, правда же... пропадет ведь! А я варенье сварю – и вам, и себе. Ну пожалуйста!

Ничего в лице Ахмеда не дрогнуло.

– Иди отсюда, – без всякого выражения буркнул старик. – Иди и не приходи больше. В следующий раз – точно убью.

– Хорошо. Извините, – упавшим голосом сказала молодая женщина, испытывая невыносимое отвращение к самой себе, к тому, что она сейчас делает.

Ахмед не ответил, только вновь зашелся в кашле.

Мария отодвинула доску, нырнула обратно на свой участок. Здесь, на открытом пространстве – солнце, простор. И она посреди этого простора, на виду, прямо над головой у нее – бескрайнее, без единого облачка небо. Если есть Тот, кто следит за людьми сверху, оттуда, то Он видит сейчас все ее грехи, ее позор. А камни, которые лезут из земли, – это ей наказание. Она заслужила эту землю, на которой почти ничего не растет...

Мария без сил опустилась на скамейку посреди двора, ведро, наполовину наполненное вишней, поставила рядом. И как-то уже не хотелось молодой женщине пробовать эти ягоды, варить из них варенье. Допустим, сварит она его (на две баночки должно хватить) – и что? Будут эти баночки с

темно-красным содержимым стоять в погребке, напоминать о ее позоре...

– Эй, дамочка... Поддай на хлеб, а?

Мария вздрогнула, подняла голову.

За забором стоял давешний оборванец, которого они обсуждали с Рожкиной и Ласунской – не старый еще мужик, с пропитой опухшей физиономией малинового цвета. Пришлый, не местный. Крепко держа штакетины обеими руками, словно боясь упасть, мужик мрачно смотрел на Марию.

– Что? Да, сейчас, – словно проснувшись, отозвалась она и бросилась в дом. Там отрезала два ломтя хлеба, положила между ними изрядный кус сырокопченой колбасы – последний, тот, что оставила себе на завтрак. Колбасу привез Костик. Он как-то экономно все привозил – небольшими порциями, на один-два перекуса...

Мария завернула получившийся бутерброд в салфетку и побежала назад.

– Держите, – протянула она сверток оборванцу через забор.

– Эт шта? – хрипло спросил мужик.

– Хлеб с колбасой.

– Блин... – мужик поморщился и выдал сложносочиненное ругательство, с треском почесал в затылке. – Какие ж вы бестолковые, городские... Ну лан, давай, че уж...

Он цапнул сверток своей огромной, малиново-черной лапой.

– Вы же сами сказали – «подайте на хлеб», – с раздражением произнесла Мария. – Сказали бы – подайте на бутылку. Формулируйте правильно свои запросы.

– А ты бы дала, на бутылку-то?

– Нет! – злясь на саму себя, ответила она.

– Ну вот вишь... Все я правильно формулирую.

– Послушайте... Ну вы же взрослый человек. Мужчина, еще молодой, сильный. Вам не стыдно ходить по дворам, кланчить деньги?

– Жисть такая, – растянул в щербатой улыбке рот оборванец, глядя на Марию, словно на дурочку. Да она сама понимала, что напрасно беседует сейчас с этим бродяжкой. Ничего она ему не объяснит, но поделаться с собой ничего не могла, ее словно несло:

– Так это вы, вы сами так свою жизнь устроили... Могли бы сейчас работать, жить в своем доме, воспитывать детей... А вместо этого попрошайничаете. Знаете, кто вы? Вы инфантил. Вы иждивенец, вот вы кто!

– Че? Как ты меня? – изумился оборванец. – А сама-то... а сами вы все, бабы... так и норовите мужика охомутать! Сама, поди, та еще иждивенка, мечтаешь, кому на шею сесть! Мне вон только бутылка нужна, а тебе, поди, все подавай. Ты душу, поди, у мужика готова отнять. Шта, съела?

Оборванец хихикнул и пошел прочь.

Мария так и не решилась ему ничего ответить. Опомнилась. Ну, во-первых, глупо и опасно пререкаться с каким-то

пьяным бродягой, во-вторых... да, какая-то правда в его словах была, та самая правда, которой Мария боялась, и не хотела ее признавать.

А правда заключалась в том, что она действительно хотела «всего». В отношении Костика, разумеется. Чтобы он был – только ее, чтобы не приходилось его делить с Людмилой, женой.

Мария ее в глаза не видела. Вернее, ей попадалось фото, которое носил с собой в портмоне Костик. Эффектная темноволосая девушка (фото делалось на момент знакомства Костика и Людмилы). Она весело смеялась в объектив.

Бедная Людмила. Смогла бы она смеяться столь весело и беззаботно, если бы узнала о существовании любовницы у ее мужа?

Настроение у Марии окончательно испортилось, она себя ненавидела. Ведь и злой Ахмед был прав, выгоняя ее с чужого участка, и даже грязный оборванец был прав... Воровка, да. Вишни крала, чужого мужа увела... А еще и денег хотела у чужих детей отнять!

Остаток дня молодая женщина потратила на борьбу с камнями. Выкопала несколько – тех, с которыми ей было под силу справиться, на тележке перетащила на задний двор. Там в наступивших сумерках разложила эти камни аккуратно, поверх уже стоящей стены.

Вот будет удивительно, если она, Мария, своими руками построит дом, вернее, тот монастырь, который раньше здесь

находился...

Видимо, от усталости и из-за неприятного инцидента, произошедшего с Ахмедом (до конца жизни стыд теперь мучить будет!), Мария долго не могла уснуть.

Она вспоминала прошлое. Детство. Те самые события, в результате которых оказалась здесь, те самые события, в результате которых она стала *такой*.

Хотя, если подумать, ничего ужасного в ее прошлом не таилось. Ни домашнего насилия, ни унижений, ни битья, ни испытаний холодом и голодом. Словом, по сравнению с жизнью иных людей – вполне себе обычное детство.

Мама – врач, терапевт в районной поликлинике. Работа тяжелая, нервная, денег не так много. Двое детей – Мария, младшая, и ее брат Денис, четырьмя годами старше.

Эти противные девяностые, когда бедность, хаос во-круг... Отец пил и гулял. Мать его ревновала, но почему-то не разводилась, терпела. Хотя куда бы она пошла, с двумя детьми на руках, с мизерной зарплатой?

Многие так жили. Да и не скучная, беспокойная жизнь в родительском гнезде являлась причиной страданий Марии.

Дело в том, что мать мало ее любила.

Мать открыто проявляла свою любовь лишь в отношении сына. Он являлся ее кумиром, ее отрадой, ее счастьем. Всю жизнь мать словно извинялась перед ним – что терпела отца, что зачем-то родила на свет еще девочку, что мало зарабатывала, что не имела полезных связей...

Мать никогда не проявляла своих чувств по отношению к дочери. Все ласки – поцелуи, объятия, все лучшие кусочки еды – Денису. Хорошую одежду – Денису. Битвы с учителями, скандалы с родителями тех, кто обижал в саду, а затем в школе Дениса. Все свободные деньги (а в конце 90-х – начале двухтысячных жить стало полегче) – на репетиторов, Денису.

Марии доставалось по остаточному принципу. Именно ее мать заставляла работать по хозяйству, следить за домом, ухаживать за больным отцом (тот, в конце концов, серьезно подорвал здоровье, выпивая все то, что могло сойти за алкоголь).

И это тоже не смертельно – что Мария не являлась любимым ребенком в семье, что ее загрузили хозяйством. Умение вести хозяйство – это даже хорошо, если подумать.

Мария научилась всему, от уборки до готовки, от шитья до заколачивания гвоздей, что впоследствии ей очень пригодилось. Да за это спасибо только матери можно сказать...

Но многие годы Мария в глубине души надеялась, что мать все-таки любит ее. Просто не показывает своих чувств, опасаясь ревности Дениса.

Он ведь довольно-таки проблемным мальчиком рос – замкнутый, раздражительный, молчаливый. Чуть что – запирался в своей комнате, переставал общаться с матерью, а та от этого страдала... С Марией брат почти не разговаривал, только по делу. Короткими фразами, уклончиво, в обезли-

ченной форме он давал сестре указания – «надо бы убрать», «надо бы принести, сделать, выкинуть, купить» и т. д. и т. п. Ни на чем не настаивал, но Мария терпеливо выполняла все его просьбы. Пыталась время от времени наладить с братом отношения, но не получалось.

В детстве Денис часто повторял, с укором указывая матери на сестру: «Зачем ты ее родила?» Потом, когда брат подрос, вопрос больше не задавал, но, судя по взглядам, поведению – так и не смирился с существованием младшей сестры на этом свете.

Впрочем, открытой агрессии по отношению к младшей сестре Денис никогда не проявлял, и за это ему тоже огромное спасибо.

Отец умер, они жили вдвоем в двухкомнатной квартире. Комната у матери, комната у Дениса, у Марии – свой уголок на кухне. А что, не у всех детей и собственный уголок имеется...

Когда Денис окончил школу, встал вопрос об армии... Тем более что в институт он сразу не сумел поступить. Но мать умудрилась всеми правдами и неправдами спасти сына от армии. Служить брата не забрали, но и работать он тоже не пошел. Еще два года подряд Денис пытался поступить все в тот же, очень известный вуз – мечтал стать архитектором. Не поступил, хотя на все это опять же были потрачены последние семейные деньги. Поступил, наконец, в другой вуз, тоже архитектурный, но попроще, снизив планку требований.

Денис учился в нем и страдал – не то. Не то, что он хотел. Все не то и не так. Опять он обделенный, бедный и несчастный.

Друзей и в институте не завел. С девушками отношения тоже не особо ладились, поскольку, по его мнению, «современные девицы – корыстные».

После вуза работать по специальности Денис тоже не особо стремился, ибо даже эта, относительно творческая специальность – требовала нахождения в коллективе, общения с людьми – строителями и заказчиками. Поэтому дольше двух-четырех месяцев Денис нигде не задерживался.

Постоянно нервный, раздраженный, с недовольным, несчастным лицом – вот таким видела его младшая сестра. Сидел вечерами и в выходные в Интернете, шпарил пальцами по клавишам – яростно с кем-то спорил в Сети, выяснял отношения (поскольку не умел, да и боялся делать это в реале).

Кажется, брата очень уязвляло то, что Мария с первого раза поступила в МГУ. Училась там вообще без проблем. А когда потом успешно, с красным дипломом, окончила свой вуз – он вообще перестал разговаривать с сестрой, лишь иногда оставлял записки на холодильнике, составленные все в той же обезличенной, неопределенной форме.

Мать была полностью в его власти, зависима даже от взмаха его ресниц, от интонации, от того, в каком настроении сын встал утром. На Марию она внимания не обращала («ты и

так проживешь», «тебе-то хорошо», «тебе просто по жизни везет!», «у тебя-то таких проблем нет», «ты все равно не понимаешь», «тебе этого все равно не надо», «ты девушка, за тебя муж все решит» и т. д. и т. п.).

Даже тогда Мария еще надеялась, что мать в глубине души все-таки любит дочь. Что она – действительно беспроблемная девочка, что у нее и так все получится, а вот Денису никто ничего на золотом блюдечке не принесет.

Потом мать заболела. Сразу, и без надежды на выздоровление. Два месяца Мария ее выхаживала. Для этого пришлось уволиться с работы. Мрачная, недовольная мать едва терпела дочь, брезгливо морщила губы, с отвращением принимая помощь. Улыбалась слабыми, истончившимися губами лишь тогда, когда появлялся рядом Денис.

Тот обычно приходил по вечерам, после работы (кажется, нашел наконец хорошее место, где ему нравилось), в комнату матери, стоял рядом с кроватью, молча, скрестив руки – минут пять, десять, затем похлопывал мать ладонью по руке и произносил напряженным, сдавленным голосом: «Ты держись, мам». Вот и все его внимание! Но мать на седьмом небе была от счастья!

И даже тогда Мария не обижалась на мать – разве кто-то виноват, что та любит больше сына, а не дочь? Ну так вышло, сердцу не прикажешь, что ж теперь...

А потом... а потом, когда мать умерла и ее похоронили, они остались с Денисом вдвоем – брат и сестра, и вроде

бы, пусть и с трудом, но продолжилась обычная, рутинная жизнь, и Мария уже собиралась вновь искать себе работу, случилось нечто, что полностью перевернуло душу Марии, все ее представления о мире.

Она узнала, что мать, собственница квартиры – той самой, двухкомнатной, завещала ее брату. Только брату. Нет, она, Мария – прописана, конечно, но прописка – это еще не право собственности.

Сестра же – никто и никак здесь.

Как так, почему мать ничего не завещала дочери? Ну ладно, могла и не писать завещание, тогда бы права на квартиру по праву наследования перешли бы автоматически и Денису, и Марии. Но нет. Мать все осознанно переписала на брата.

Она что, не догадывалась, что своим завещанием делает свою дочь практически бомжихой? Как можно отнять все у одного своего ребенка и отдать другому?

Лишь после этого неприятного известия Мария осознала факт – мать никогда ее не любила.

Причем, что интересно, Мария даже в этом случае понимала логику матери – дочь может найти мужа с квартирой, дочь с хорошим образованием, дочери легко подыскать работу, дочь может о себе позаботиться. Поэтому квартиру надо завещать сыну, о котором никто не станет хлопотать. Мария рассудком понимала эту логику, но уже не принимала ее душой...

А Денис тем временем затеял ремонт. Даже не предупре-

див сестру.

Просто в один день вдруг появились в квартире рабочие и принялись сдирать обои, отбивать плитку... И с изумлением поглядывали на Марию, которая в толк не могла взять, что происходит.

Сам Денис, кстати, исчез. И не отвечал на звонки.

Не он, а прораб сообщил недоумевающей Марии, что брат находится сейчас на съемной квартире – до тех пор, пока здесь не закончится ремонт.

Мария жалась в своем уголке, на кухне. Но и там ей не было житья – поскольку по указанию Дениса ремонт начался во всех комнатах сразу. Словно ее, родной сестры, в этих стенах не существовало.

Как можно было трактовать поступок брата? Только однозначно. Денис хотел выжить Марию из квартиры. Разговаривать с сестрой, объяснять ей что-либо он, судя по всему, и не собирался. Проще вот так, демонстративно, через ремонт, показать свою позицию. Вполне в духе Дениса...

Ну а что, мать ему всю жизнь своим примером демонстрировала, что Мария – никто и никак, с ней можно не считаться и ее интересы необязательно учитывать. Если подумать, то на брата и обижаться глупо теперь...

Хотя нет, Мария, конечно, обижалась – и на покойную мать, и на брата, и – на себя. Это ведь она допустила все это, она сама позволила так с собой обращаться...

А может, она и вовсе не достойна любви, раз уж не дожда-

лась ее даже от близких людей? Может, она урод, чудовище, изверг, но сама этого не замечает? Есть, допустим, у нее внутри, в характере, в образе мыслей какая-то червоточина?

Умом Мария понимала, что все не так, а подсознание говорило – нет, ты плохая... Потому что нелюбимая.

И даже при всем своем знании психологии, педагогики, истории, философии, при всей своей начитанности и эрудированности – Мария с этими темными мыслями бороться не могла.

Именно эта обида пополам с отчаянием и толкнула ее на Поступок. Она бросила все в Москве и уехала в Дербенево. Одна из бывших коллег продавала там родительский дом (к старикам в такую даль не наездишься, проще перевезти их к себе). Продала очень-очень недорого, тем более что участок являлся проблемным, с вылезающими из земли камнями. Коллега замучилась искать покупателей на него, обзвонила всех, кого можно, только Мария согласилась... И даже работа нашлась в тех краях – место учительницы в сельской школе оказалось вакантным.

Тогда это переселение казалось Марии единственно возможным выходом из создавшегося положения. Снимать квартиру в Москве? Но на какие деньги, с работы же Мария уволилась (конечно, можно было найти новое место, но в любом случае зарплата преподавателя равнялась бы стоимости аренды). А жить на что – есть, пить? А транспортные расходы? Можно было, конечно, найти компаньонку или да-

же двух – и всем вместе снимать квартиру. Арендная плата в этом случае – вполне посильная ноша. Но на тот момент, еще до кризиса, такой способ казался нереальным – сначала искать соседей, затем жилье – и это когда вся страна рвалась в Нерезиновую, а мало-мальски бюджетную жилплощадь уже давно расхватали...

Нет, можно было, конечно, в те дни не давать волю нервам и методично, методом проб и ошибок, подбирать себе подходящий вариант – как работы, так и жилья, но у Марии не осталось сил. Ни сил, ни терпения... Какое терпение, когда живешь посреди ведер со строительной смесью и с содраным полом, выломанными трубами и торчащими проводами. Скорее бы сбежать – туда, где хоть выспаться можно.

Да она сама себя ненавидела так, что считала: ей, нелюбимой, теперь самое место в глухой деревне. Она, постылая, не заслужила ничего, кроме этой каменистой земли...

Блиzkих подруг у Марии не было (одни приятельницы), возлюбленного на тот момент – тоже. Прежние – мимолетные и короткие связи с противоположным полом, которые порой случались в жизни Марии, – в счет не шли. Всегда приветливая внешне, вежливая девушка так и не сумела наладить с кем-то крепких отношений. (Наверное, все-таки они с братом друг друга стоили... Денис – явный социопат, она, выходит, – скрытый.)

Словом, никто тогда не удержал ее от бегства из Москвы. Мария, перед тем как исчезнуть, хотела оставить на сво-

ей кровати, стоявшей все там же, в кухонном углу, накрытой заляпанным шпаклевкой целлофаном, листочек с адресом, по которому ее можно будет найти в Дербенево. Но потом подумала: а зачем брату оставлять адрес, у него же есть номер ее мобильного телефона. Помнится, они все же пере-званивались когда-то, пару раз точно, в дни болезни матери. Что срочно купить надо, какие лекарства, с каким доктором договориться...

Если Денис обеспокоится ее исчезновением, то он сам позвонит.

...Первую зиму в Дербенево Мария еще ждала, что брат позвонит. Ну хотя бы узнать, куда пропала его родная сестра. Просто для того, чтобы услышать – жива ли.

Но, похоже, даже этот вопрос Дениса не интересовал.

Он не позвонил ни разу.

Мария мучилась, переживала, злилась, ненавидела всех и вся, плакала иногда... А потом успокоилась. Потому что глупо ждать от Дениса того, что он дать ей не может. И от матери тоже было глупо всю жизнь ожидать любви... И глупо тратить свои нервы и время на пустые переживания – ах, почему с ней так поступили самые родные, близкие люди. Эти переживания ничего не исправят. Близкие люди, вернее, единственный близкий человек теперь Денис не изменится, не раскается в том, что практически выгнал сестру из дома. Чуда не случится.

Поэтому надо только на себя и надеяться.

И Мария выживала, и даже счастлива была временами, особенно летом, когда почти каждый день радовал теплом и солнцем. Лишь иногда молодая женщина мечтала о надежном человеке рядом. На которого можно было бы положиться. Нет, не все свои проблемы на него свалить, а просто – хоть чуть-чуть самой расслабиться, передохнуть рядом с ним. Не с тревогой смотреть в будущее (вдруг что случится, как я справлюсь тогда, одна?), а с радостью. Подобное было бы, наверное, возможно, если бы Костик стал ее мужем.

...И вот в один из таких чудесных июльских дней, омраченных лишь долгим отсутствием Костики, Мария неожиданно получила от судьбы очередной удар.

А начался тот день обычно. Она проснулась – за окном, над горизонтом, переливается белое море, высоко летают стрижи, и все прочие приметы тоже намекают на то, что после полудня начнется самый настоящий зной.

Поэтому Мария решила не завтракать, а сразу идти на реку.

По дороге собралась проверить почтовый ящик – тот, что висел на заборе, – просто потому, что давно в него не заглядывала. Открыла скрипнувшую железную дверцу, и ей на руки из недр старого, но аккуратно покрашенного в голубой цвет ящика выпало письмо. Официальное. Плотный большой конверт, сверху крупными буквами – «Департамент образования».

Марии стало немного не по себе. Она вернулась в дом,

быстро распечатала конверт...

Прочитала письмо несколько раз, закрыла глаза, чувствуя, как колотится сердце и неприятно холодеют руки.

В письме сообщалось, что школа в Дербенево будет закрыта в связи с реструктуризацией, которую проводят на местах, учащиеся из Дербенево переведены в областной город, где имеется образовательный центр с интернатом, и посему весь школьный персонал из Дербенево будет скоро официально уволен, с обязательной выплатой выходного пособия, разумеется.

«Уволена. Я уволена. И школу закроют...» – несколько раз мысленно повторила Мария, не в силах поверить в происходящее.

Та жизнь, к которой она привыкла, пусть и не самая легкая, закончилась. Обещание департамента выплатить выходное пособие, конечно, не давало окончательно пасть духом, но все же утешало мало. Рано или поздно и эти деньги закончатся. То есть в любом случае надо искать здесь работу. И уж точно не по специальности учителя – другой-то школы рядом нет.

Где в Дербенево можно устроиться на работу? Тут есть почта, магазин, слесарная мастерская.

Что еще? Да все, пожалуй.

В слесарную мастерскую Марию не возьмут, это очевидно, на почте работают две женщины из старожилов и за свои места держатся крепко (да и совесть надо иметь, чтобы их с

этого места выталкивать), магазин принадлежит товарищу с юга, и товаром там торгует все его семейство, от тещи с женой до внуков.

Половина деревни – дачники, другая – в основном старики – живет на пенсию и кормится за счет подсобного хозяйства. Молодых мало, детей и десятка на всю деревню не наберется... А то и меньше – говорят, пара «детных» семей в начале лета уехала куда-то. В общем, неудивительно, что школу закрыли, этого следовало ожидать.

Есть ферма, где коров разводят, но очень далеко отсюда, неудобно добираться. Можно на ферму устроиться. Очень подходящая работа для выпускницы МГУ... А что поделать.

Молоко с этой фермы поставляют на сыродельный завод, что на той стороне реки...

«Минутку... Господи, как я сразу не догадалась!» – озарило вдруг молодую женщину. И она улыбнулась растерянно.

...Тем же вечером, неожиданно и без предупреждения, приехал Костик. Его появление каждый раз вызывало у Марии восторг, восхищение (словно чудо какое-то случалось, солнце спускалось с неба, принц, спрыгнув с белого коня, врывался в ее бедную избушку!), но сейчас к восторгу приешивалось и смущение... Вот как рассказать о своей проблеме Костику, как попросить его о помощи, не сочтет ли он Марию слишком корыстной?..

– Ну, что скажешь? Что нового? – бросилась она на шею возлюбленному.

– Все отлично! – Костик прижал ее к себе, расцеловал. – Милая моя... Ох, я по тебе соскучился! Только о тебе и думал, даже эсэмэску забыл прислать. Дай посмотреть... – Он чуть отстранил Марию от себя. – Все никак не могу привыкнуть к твоей красоте.

Костик привез немного еды – свою любимую сырокопченую колбасу, батон хлеба – хрустящего, длинного, связку бананов. Выложил все это на стол, достал еще из сумки бутылку красного вина.

– Заехал к себе, даже машину в гараж не ставил, бросил на газоне, в дом не заходил, и сразу – к тебе... К счастью, темно, никого не встретил. Дай только руки помою... Я ведь завтра опять уезжаю, и на этот раз – надолго – на неделю, а то и две.

Мужчина вернулся минут через пять и вновь принялся обнимать Марию. Он был очень ласковый, ее возлюбленный, и нежный. Мария в первое время после их сближения даже удивлялась неиссякаемой нежности Костика – он мог бесконечно ее обнимать-целовать, прижимать к себе, гладить, любоваться... И не только в качестве прелюдии. Само, как таковое, «основное» действие не длилось долго, зато потом, когда большинство мужчин, наверное, привыкли засыпать, у Костика происходил новый взрыв нежности. Поглаживания, поцелуи, объятия, вздохи, нежный лепет; он покусывал ее за ухо, зарывался лицом в волосы Марии, разбросанные по подушке. Первое время Мария его даже не понимала, дума-

ла, что возлюбленный готов еще раз горделиво выступить, на бис, – и даже случилось несколько неловких для Костика ситуаций...

Вот и сейчас Мария не знала, чего ей ждать, – то ли Костик с порога готов уже овладеть ею, то ли просто приветствует ее. Она послушно подставляла возлюбленному руки, плечи, щеки, губы, поворачивалась, изгибалась... Сама тоже непрерывно ласкала Костика – гладила, щекотала, дышала ему в шею, прижималась, утыкалась лицом в грудь. «Зеркалила» его манеру. Хотя такие ласки без продолжения немного утомляли.

– Погоди... нет, нет, давай сначала перекусим, выпьем, наконец. Я четыре часа за рулем.

– Да, конечно. – Мария не без сожаления оторвалась от Костика.

Нарезала хлеб, колбасу, поставила на стол салат из свежих овощей, выращенных на отвоеванной от камней земле. Костик открыл бутылку, разлил вино по бокалам (эти бокалы, кстати, он подарил Марии на их втором или третьем свидании, поскольку хорошей посуды в доме не имелось, а пить вино из граненых стаканов Костик, как настоящий эстет, не мог).

– Открыли отдел в Химках? В Химках, да?

– Да, да. Поставил Скрынникову заведовать. Неглупая дама, ответственная. Устроила презентацию наших сыров, народ набежал пробовать. Ты знаешь, что сейчас больше поло-

вины выпускаемых в стране сыров – фейк по сути? Не сыр, а, по-правильному если назвать – сырный продукт. Поэтому наш сыр просто нарасхват пошел.

– Я тебя поздравляю. Ты большой молодец. За тебя.

Костик чокнулся с Марией бокалами, еще несколько раз поцеловал ее, затем только глотнул вина.

– Дети как? – осторожно спросила Мария.

– Эти дети... – смущенно засмеялся Костик. А затем, не без удовольствия, с юмором, принялся рассказывать о своих детях. Ему было явно приятно это делать, он любил их.

Мария слушала, кивала, улыбалась. О Людмиле она не спрашивала, да и Костик никогда о жене не рассказывал. Словно ее и не существовало.

Хотя на самом деле эта Людмила являлась вполне реальным человеком. Возможно, у Людмилы с Костилом там, в Москве, была близость. И именно эта близость и опустошила Костика, оставила по-прежнему романтичным, но на время лишила страстности.

Нет, Мария не ревновала, она не имела права ревновать. И все равно было неприятно. Хотя, с другой стороны, она все это заслужила, чего теперь роптать...

– Ты какая-то невеселая. Или мне кажется? – вдруг испуганно спросил Костик. – Что-то случилось?

– Да, случилось. У меня неприятности, – кивнула Мария. Костик побледнел, его глаза, и без того круглые, выразительные, стали еще больше. Он, судя по всему, подумал о бере-

менности – Мария читала своего возлюбленного, словно открытую книгу. Больше всего Костик боялся именно этого, о чем не раз предупреждал Марию. «У меня трое детей, и с моей стороны было бы большой безответственностью не помнить об этом, не беспокоиться об этом постоянно...»

– Меня уволили.

– Фух... Ну какие же это неприятности! Господи, Мари, любишь же ты меня пугать... Уволили и уволили. А почему?

– Я так поняла, что все школы в маленьких населенных пунктах закрывают, а детей переводят в областные центры.

– Тебе предложили какую-то замену, новое место?

– Нет. Обещают выплатить компенсацию. Но даже если мне и предложат работу где-то в области, то мне придется туда переезжать, наверное. Слишком далеко.

– Как они надоели с этими вечными реформами и реорганизациями... А что с медициной у нас творится? – всплеснул руками Костик. – Сколько учреждений закрыли, расформировали, прекрасных специалистов уволили...

– Костик, что мне делать? – устало спросила Мария.

– Ничего не делай. Отдыхай пока. Я думаю, потом все само образуется.

– Ты можешь меня устроить на свой завод?

– Куда? – опешил тот. – К себе на сыродельный завод? А кем? Технологом? Но ты же, Мари, в производстве сыров ничего не понимаешь... У меня технологом Педровна, то есть Галина Петровна, опытный специалист, тридцать лет стажа.

– Я согласна стать обычной работницей. Мешать закваску и паковать готовые продукты.

– Ты?! Господи, это же все не для тебя... Мари, не сходи с ума, ты эфирное создание, а не пролетариат!

– Ой, я еще тот пролетариат, каждый день булыжники у себя с огорода таскаю, – усмехнулась Мария.

– Нет. Нет, это невозможно... К тому же у меня весь персонал уже подобран, свободных мест нет. Если взять тебя, то придется кого-то уволить... Да дело даже не в этом! – блестя темными, похожими на крупные вишни, глазами, воскликнул Костик. – Если я возьму тебя к себе, допустим (вдруг образуется вакансия!), то каково мне будет перед людьми? Они же обо всем догадаются... О наших с тобой отношениях. Я ведь на заводе каждый день, я там бухгалтерию веду, и все такое... А Педровна – она Людмилу знает, они перезваниваются иногда. Если Педровна донесет Люде, что в Дербенево у меня есть любовница, то... то это будет катастрофа. Счастье, что Педровна живет не в Дербенево, а в Болшево, на той стороне реки...

Мария молчала, опустив голову.

– Послушай. Не обижайся на меня, – ласково произнес Костик. – И вообще, мне кажется, ты каким-то не тем сейчас путем идешь. Искать работу, да еще за те копейки, что в наших краях платят... Это непродуктивно. Ты должна поговорить со своим братом, как его... с Денисом. Он же, по сути, «отжал» у тебя квартиру.

– Не «отжал», а мать ему завещала, – устало вздохнула Мария. – И потом, почему – квартиру? Половину квартиры. Но это все не имеет значения. Он собственник, а я никто, так получилось.

– А ты узнавала? А ты подавала в суд? Ты пыталась оспорить завещание?

– Как оспорить? Задним числом доказывать, что мать была не в себе, составляя это завещание? Невозможно, она до последних минут хорошо соображала...

– Но ты все равно там прописана!

– Я не собственник!

– Но ты там *прописана*! Тебя только по суду могут выгнать, – нетерпеливо возразил Костик.

– Вот именно, если Денис пойдет в суд, то он с легкостью меня выселит.

– А пойдет ли он? Я вот точно не знаю, имеет ли смысл сделать это сейчас, я не специалист в жилищном и семейном праве... Может, еще не поздно... Давай так. В следующий свой приезд в Москву я пойду к своему знакомому, адвокату, может, он подскажет, что надо делать, может, еще не поздно тебе отсудить свою половину квартиры.

– А если ничего не получится?

– Тогда, наверное, надо взывать к совести твоего брата. Есть у него сердце или нет, в конце концов?

– Мне все равно – есть у него сердце или нет, – пробормотала Мария. – Он мне чужой человек теперь. Если честно,

я даже не хочу с ним связываться.

– Мари! Вот ты зря оттуда съехала, теперь он имеет полное право тебя выселить, ведь ты сколько лет этой квартирой не пользуешься... Надо было терпеливо сидеть там, выжидать.

– Чего выжидать, когда он меня буквально выживал! – Она уже едва не плакала.

– Ладно, давай сейчас не будем о грустном, поговорим об этом потом.

– Давай потом, – уныло согласилась Мария. – Хотя нет, погоди. Я никогда об этом не спрашивала, но... Каким ты видишь наше будущее. Твое и мое?

– О господи... Я знал, что рано или поздно ты об этом спросишь. Ты предлагаешь мне бросить троих детей?

– Нет.

– А что тогда?

– Я не знаю. Просто... я сейчас в скверном положении. Мне нужна помощь, – с трудом выговорила она.

– Так я и не отказываюсь тебе помогать! – возмутился Костик. – Милая моя, родная, все образуется, не переживай! – Он бросился к ней, обнял, принялся покрывать ее лицо поцелуями.

Мария хотела оттолкнуть его, но не смогла. Обхватила его за плечи, прижалась изо всех сил.

– Солнышко мое, ангел мой... Ну вот такая жизнь... если бы я мог, если бы я встретил тебя раньше, двадцать лет

назад!

– Двадцать лет назад мне было четырнадцать, – засмеялась Мария. – Тебя бы посадили, Костик.

* * *

Мари уснула быстро, она всегда засыпала быстро рядом с ним, а Костя так и остался сидеть на кровати в прозрачной, голубой полутьме.

В окно заглядывала яркая, ровная половинка луны, именно ее свет позволял сейчас спокойно рассмотреть женщину, лежавшую рядом.

Четыре года назад, когда Костя впервые увидел Мари, то поразился – что за неведомая сила принесла сюда, в замшелое Дербенево, эту красавицу, больше похожую на киноактрису, чем на сельскую учительницу?

Нет, конечно, на сельских просторах попадались иногда симпатичные девушки, но именно что – иногда. Либо дачницы, решившие месяц-другой провести на грядках, либо местные, совсем юные особы. Расцвели, поразили всех в округе и упорхнули в большие города...

Мари же, судя по всему, решила поселиться в Дербенево навсегда.

Костя немедленно познакомился с этой чудесной девушкой, и практически сразу же закрутился их роман. Мужчина даже не верил своему счастью первое время.

Причем чем дальше, тем сильнее он влюблялся в Мари. Именно о такой подруге он мечтал всю свою жизнь – нежной, деликатной, доброй.

Она принадлежала к редкой, почти не встречающейся породе женщин – тех, кто не имел привычки выносить мужчинам мозг. Цены таким нет!

Еще, ко всему прочему, Мари – умненькая, но не зануда. Скромная, но не зажатая. Легкая и в то же время глубокая. С ней было интересно – интересно общаться, болтать. Ни с одним человеком Костя не разговаривал столько, как с Мари, с ней он делился самыми сокровенными своими мыслями...

Судьба у нее, конечно, не самой веселой оказалась – сука-мать и брат-негодяй. Но даже эти трудности не сломили, не исковеркали характер Мари, не заставили ее озлобиться. Она была выше людской грязи. Она – благородная, что ли. Как героиня Ремарка...

Четыре года Костя встречался с Мари, и ни разу за эти годы они не поссорились. Ни разу. И она не надоела ему, не стала скучной, предсказуемой. Внешне – тоже, становилась только краше. Роскошная фигура, потрясающие волосы, дивные глаза, губы эти, гладкая кожа... Запах. Да, запах. От ее кожи пахло цветами, нежно и трогательно. Розами пахло! Едва заметно, но вполне определенно – именно розами, сладковато-ванильно. Мари – словно сказочный цветок...

Косте всегда хотелось разглядывать свою подругу... Ею невозможно было не любоваться! Пожалуй, тоже редкое,

удивительное женское свойство – умение не надоедать, талант нравиться. Это, наверное, от природной грациозности Мари шло. Она двигалась, словно балерина, и до сих пор каждый ее жест, поворот головы заставляли Костю волноваться, восхищаться.

В ней не было ничего бабского, грубого, хабалистого. Смех ее – не пронзительный, голос – приятный, даже кашель (когда простужалась, например) и тот звучал мило. Мари никогда не раздражала Костю в отличие от Люды, например. Людин кашель, чихание, а также топот босых пяток по полу, вообще вся бытовая эта бесцеремонность, когда женщина уже ничего не стыдится в долгом браке, давно надоели Косте.

В сущности, именно Мари, а не Люда, являлась идеальной женой для Кости. Если бы не было Люды, а еще Петра, Сандрика и Нины (Нины, единственной доченьки, последыша, Нинон – как ее все называли дома, капризной и обидчивой девочки, в буйном расцвете пубертата со всеми его закидонами и истериками), – то Костя, не раздумывая, связал бы свою судьбу с Мари.

Костя не мог бросить детей, хотя порой они его раздражали, мешали, гирями висели на ногах. Иногда Костя прикидывал – а что, если развестись с Людой, когда Нинон, например, исполнится восемнадцать? Нет, невозможно. Восемнадцать – еще детский, опасный возраст, Нинон с ее взрывным характером примется бунтовать, но только уже по-взросло-

му как-нибудь, с риском для себя. К тому же дети обожали мать (хотя совершенно ее не слушались), они не простили бы отцу его ухода, даже будучи уже взрослыми людьми.

Мари его дети тоже не приняли бы. Они нахальные, бойкие, за словом в карман не лезут, все трое, а тут им под нос – деликатную Мари. Она, пусть даже и учительница, точно сломалась бы, не справилась бы с ними, с их агрессией и ненавистью. Ну как же, разлучница...

Да и вообще, как он разведется с Людой, если все на нее записано? И бизнес, и квартира в Москве, и машины, и гараж... И даже этот дом в Дербенево тоже записан на нее! Так с самого начала хотела Люда, это была ее воля: «Я тебе троих родила! Я не могу себе позволить остаться с голой жопой, если с тобой что случится, если ты загулять вдруг решишь! Я о детях должна думать!» Да и сам Костя мечтал себя хоть как-то обезопасить, свой бизнес, не так уж он и противился желанию жены записать все на нее.

Так вот, если Люда вздумает всерьез мстить – Косте конец. Она может разорить мужа в один момент, оставить ни с чем.

По-хорошему, Косте надо было давно расстаться с Мари, не превращать ее в постоянную любовницу, вторую жену. Но что тогда, какой интерес у него в жизни останется? Найти еще кого-то, какую-нибудь непритязательную женщину? Да ни одна тут и в подметки Мари не годится... Потом, зачем тогда бросать Мари, спрашивается?

Нет, нет, если уж совсем припрет, если Люда узнает о его романе на стороне – тогда, конечно, придется расстаться с Мари. И действительно жить тут одному, бирюком (завод-то не бросишь без присмотра). Ведь Люда сюда не согласится поехать, да и нельзя, кто там за детьми присматривать станет? У них же школы, институты на носу, репетиторы, кружки, секции... Но, с другой стороны, жить здесь в одиночестве для Кости невыносимо.

Поэтому без Мари он загнется, засохнет. Она для него является воздухом. Солнцем. Но и слишком сближаться с ней тоже нельзя, и нельзя обнадеживать ее, он же честный человек, в конце концов! Пока жива Люда, Костя никогда не женится на Мари, а значит – быть ей любовницей и ни на что не рассчитывать. Еще Мари, как, наверное, и любая другая нормальная женщина, мечтает когда-нибудь родить. Но какие дети?! Косте своих бы троих вырастить. И не хотел он еще детей, все, наелся этими пеленками-распашонками, ночными бдениями, ветрянками и поносами, поликлиниками... А женщина во время беременности как меняется, и после родов особенно? Превращается в безумную фурию «благодаря» гормональным выплескам, полнеет или худеет, но определенно дурнеет... Нет уж, пусть Мари остается все такой же, спокойной и красивой. Так что никаких детей.

Казнить нельзя помиловать.

Единственный выход – это жить так, как сейчас, и ничего не менять.

Будильник утром в телефоне Костики почему-то не сработал, и возлюбленный уезжал от Марии второпях, даже от завтрака отказался.

— Ох, вот незадача... Я с аудитором уже договорился, а потом мне в Пенсионный фонд надо срочно, у них кое-какие выплаты не прошли, и они их по второму разу с меня требуют...

Молодая женщина молчала, наблюдая за возлюбленным, мечущимся туда-сюда по ее дому. Рассудком она, конечно, сочувствовала Костику, но в то же время душа ее никак не отзывалась. Мария сейчас испытывала... равнодушие, что ли? Равнодушие к его проблемам. Какое-то новое чувство, ведь до вчерашнего дня она всегда с искренним интересом вникала в дела своего возлюбленного, старалась его поддерживать.

А все потому, наверное, что и Костику, как оказалось, было наплевать на ее проблемы. Она ему вчера сообщила, что ее уволили, что у нее нет будущего в Дербенево, а он... он предложил Марии судиться с братом. И еще сказал эту фразу — «потом все образуется». Он даже не хотел думать над проблемами Марии, отказался брать ее к себе, на свой завод!

Хотя, собственно, зачем обижаться на Костику? Он не муж ей, он ничем ей не обязан. Он с самого начала ничего

ей не обещал. Какой смысл теперь чего-то требовать?

Но тогда и она не обязана ему сочувствовать. В конце концов, это дело Людмилы — беспокоиться из-за каких то аудиторов и не прошедших платежей.

— Ну все, пока-пока, ангел мой. — Костик быстро расцеловал Марию и выскочил из дома.

Она вяло махнула ему рукой и осталась лежать на кровати, глядя в потолок. «Я все время жду от кого-то любви. Что меня, наконец, оценят, похвалят. Что мне подарят целый мир... Ну, не в буквальном смысле конечно, а хотя бы признают меня *родным* человеком. А я никому не родная. И еще извожу себя этим, считаю неполноценной. Но это же глупо, глупо! Я живой человек, я сама по себе, и мне никто не нужен для того, чтобы стать счастливой! Ведь у меня есть я. Да, у меня есть я! И я счастлива, сама себе родная, и я себя люблю!»

Мария встала, умылась, выпила чашку растворимого кофе. Сходила на речку, искупалась. Потом принялась откапывать очередной камень на огороде. Этот лез наружу давно, с прошлой осени, сначала появился маленьким белым пятнышком, напоминающим шляпку шампиньона, потом поднимался все выше, выше, словно сам по себе рос, а не земля его выталкивала...

Молодая женщина лопатой отбросила землю. Камень большой, да, прикинула она, но с ним, пожалуй, можно справиться самостоятельно.

– Маша! Привет!

– Да? – Она обернулась – за забором стояла Нелли Ласунская. В пышном «девочковом» сарафане, с очками, как всегда, съехавшими на кончик носа; кудрявые волосы золотятся нимбом над головой. – Здравствуйте, Нелли.

– Ты Ахмеда давно видела? – без всякого вступления спросила соседка.

– Кого? – удивилась Мария. Вдруг вспомнила – она, с пылающими от стыда щеками, с ведром ворованной вишни, и Ахмед с ружьем, напротив. – Видела...

– Давно?

– Дня три, четыре назад. Точно не помню. А что?

– Раиса говорит, он несколько дней уже не появлялся у них. – Раисой звали жену хозяина местного магазина, рабботавшую там же продавщицей. – Ахмед приходил каждое утро и покупал у нее хлеб. А тут – нет его...

Мария поправила на голове косынку. И вдруг вспомнила:

– А он ведь кашлял... Вдруг он заболел? Я, конечно, не наблюдаю за тем, что он там, у себя на участке, делает, но... Я теперь даже кашля его не слышу.

– И Рожкина его тоже не видела. Она ведь у нас на веранде круглые сутки сидит, чай гоняет, словно вертухай на вышке, – съязвила Нелли. – Ой... не обращай внимания, это я сейчас роман на эту тему, зоновскую, редактирую, вот и привязались всякие словечки...

– Ахмед пропал? Что же делать? – расстроилась Мария. –

У Ахмеда есть родные? Их можно как-то найти?

– Да прям, – махнула пухлой, круглой рукой Ласунская. – Что, на Кавказ за ними ехать, или где он там жил, этот Ахмед... Раиса говорит, а Раиса у нас все про всех знает, что Ахмед со своим единственным сыном поссорился. И из дома ушел, потому что сын его слушаться не стал. Сын женился на русской, а у них это не принято. Ну, Ахмед и психанул, сбежал... По крайней мере, такую версию мне рассказала Раиса.

– Жалко. И может, он, правда, болен.

– Да. И как-то не по-христиански его бросать, пусть он и злой старик, этот Ахмед. Ты понаблюдай, появится ли он, может, мы зря тут панику разводим.

– Нелли! А если найти хозяина участка? В администрации поселка может быть адрес и телефон этого человека – Федора Байкалова, да? – неожиданно вспомнила Мария.

– Может быть, – задумалась Нелли. – Хотя, если подумать, этому господину Байкалову наплевать на то, что тут творится, он тут сто лет не был. Как же, приедет он из-за пропавшего сторожа... Тем более еще ничего пока не известно. Приедет, только когда участок надо будет продавать! Ладно, если Ахмед не появится в ближайшее время, я к участковому нашему пойду. Завтра. Ты только сама туда не суйся, к Ахмеду, мало ли что... Убить ведь может.

Нелли Ласунская ушла.

Мария снова взялась за лопату. Но мысли о старике, с которым, возможно, что-то случилось – не отпускали. А что,

если завтра будет уже поздно?

Она отбросила лопату, подбежала к тому самому месту в заборе, где одна из досок была не закреплена, отодвинула ее в сторону. Крикнула:

– Ахмед! Ахмед, вы тут?

Нет ответа. Мария протиснулась сквозь проем. Здесь, в саду, полутьма, сладкий и пряный запах вишни, уже начинающей сыпаться на землю.

– Ахмед! Это я! С вами все в порядке?

Она довольно долго шла по саду, оглядываясь по сторонам, вздрагивая от каждого шороха... Но нечто, что было сильнее страха, все равно гнало молодую женщину вперед.

Наконец она вышла на поляну перед большим каменным домом.

– Ахмед! – еще раз крикнула Мария. Поднялась по ступеням, постучала в тяжелую железную дверь. Нет ответа. Мария потянула дверь на себя – и та подалась. Молодая женщина просунула голову внутрь и еще раз крикнула: – Есть кто-нибудь?

«А если с Ахмедом все в порядке, он уехал куда-нибудь, на время, а я тут без спроса шатаюсь? Хотя нет, разве можно уехать и не запереть дом!»

Длинный темный коридор, в конце – полуоткрытая дверь. Оттуда какой-то шорох и звук, как будто... стон?

Мария бросилась туда, уже не раздумывая. Распахнула дверь – небольшая комната с добротной старой мебелью, по-

ловик на полу... А на кровати, под клетчатым одеялом, кто-то лежит.

Мария подошла ближе, потянулась, пытаясь разглядеть лежавшего к ней спиной человека.

Разумеется, это был Ахмед. Лежал, скрючившись, на боку, обхватив себя руками, и дрожал. Мария потянула руку, осторожно коснулась его лба. Ладонь обожгло жаром.

– Ахмед! Это я, Маша... вы меня слышите?

Тот застонал, дернулся, как будто хотел что-то сказать.

– Сейчас я доктора позову... – Мария побежала через сад, через дырку в заборе – к Ласунской. – Нелли! – закричала она издали. – Он действительно болен, у него жар! Надо доктора, срочно. Он даже говорить не может!

– Кто, Ахмед? Так ты была у него сейчас, дурочка? Туда ходила? Господи, он же убить тебя мог... Сейчас я Насе позвоню.

Настей звали фельдшерицу. Настя жила на том берегу, в Болшево.

...К тому времени, как на разбитом, дребезжащем «уазике» приехала фельдшерица, у ворот «вишневого сада» собрались люди – Ласунская, Рожкина, еще несколько соседей.

– Так, где больной? – вышла из «уазика» полная, румяная женщина лет сорока. – Куда идти? Ворота-то закрыты!

– Ко мне, сюда... Там через дырку в заборе можно пройти! – Мария позвала за собой. Потом опомнилась – фельдшерица Настя сквозь проем в заборе не протиснется. – Хотя

нет, я сейчас сама попробую с той стороны ворота открыть...

Побежала обратно, через свой участок в сад. К счастью, калитка в воротах открывалась легко, надо было лишь нажать на специальную кнопку.

– Сюда, в дом... Я захожу – а он не отвечает. Лежит, стоит. У него жар, понимаете...

– Понимаю, чего уж, – философски вздохнула Настя.

Ахмед уже не лежал, а сидел – пытался встать и не мог. Пунцовое от жара лицо, хриплое дыхание. Увидев непрошенных гостей, хотел возмутиться, но закашлял, упал назад, на подушку. Опять зашевелился.

– Куда! Лежи-лежи! – строго прикрикнула на него Настя. – Упадешь ведь... Ой, дедушка-то наш и правда горит весь. Дай тебя послушать, дед... И не толкайся, тоже мне. Дыши...

Настя осмотрела Ахмеда, который был даже не в силах ей сопротивляться, и изрекла свое резюме:

– В больницу надо.

– Нет, – сипло исторгнул из себя Ахмед.

– Ну ты ж не хочешь помереть тут, дед? – удивилась фельдшерица.

– Нет! Не поеду.

Ласунская и Рожкина, а также другие местные жители, стоявшие в дверях, принялись уговаривать Ахмеда ехать в больницу.

Тот еще больше разозлился:

– Нет! Я тут дом сторожу! Мне нельзя! Нет!

– Тебе уколы надо делать, каждый день, понимаешь...

– Ты делай!

– Да на мне три деревни, уйма больных, и прием я еще веду, с утра... У меня нет времени к тебе каждый день ездить, – пыталась втолковать Ахмеду Настя.

– Давайте я буду ему уколы делать, – вдруг сказала Мария. – Я не медсестра, но я умею. Я отцу их делала, и матери... Я умею.

– Умеешь? Ну и славно. Присмотришь тогда за дедом, – сразу же согласилась Настя. – А будет ему хуже – сразу же мне звони. Вот рецепт на лекарство. На станции аптека, там купишь... Я тут все написала, что и как.

У Насти зазвонил сотовый.

– Алло! Что, уже рожает?! Блин, я же сказала, ее вчера еще надо было везти в область...

Фельдшерица стремительно исчезла.

Ахмед лежал на кровати, тяжело дышал. Смотрел на Марию темными, полными бешенства глазами.

Но ее это ничуть не смутило. Во-первых, она чувствовала жалость к старику, даже несмотря на его вредный характер, во-вторых, это была... компенсация, что ли? Ну да, она, Мария, воровала в его саду вишни, а теперь она просто обязана компенсировать ему этот ущерб. Не материальный, конечно же, нет.

– Ладно, давай, я тебя до станции отвезу, – вздохнула сто-

явшая в дверях Рожкина. — Мне все равно туда надо.

— Ксюша, а меня захватите? — вдруг насупилась Ласунская. — А то этого автобуса не дождешься... Мне завтра в редакцию текст сдать.

— А куда я денусь, — сварливо произнесла Рожкина.

Мария закрыла калитку в воротах вишневого сада, предвзвительно убедившись, что любопытствующие покинули территорию, и отправилась вслед за Рожкиной и Ласунской.

...Она приходила к Ахмеду два раза в день, делала ему уколы, как прописала фельдшерица.

Поначалу Ахмед ворчал, ругался, сопротивлялся даже, лишь после долгих уговоров позволяя засучить рукав у рубашки... Как будто ему было стыдно оголить даже предплечье перед чужой женщиной.

Но потом привык и встречал Марию уже молча, насупившись. Стал здороваться — не отрывисто, точно лая, а уже нормальным, доброжелательным голосом. Мария несколько раз сварила ему компот из вишен, наготовила каши. Скоро старику стало лучше, и он уже сам справлялся с домашним хозяйством.

К концу десятого дня Ахмед выздоровел окончательно — видимо, от природы обладал железным здоровьем, даже сильная простуда не смогла его подкосить.

И на десятый день, когда Мария делала последний укол, старик заявил без всякого предисловия, очень бодро:

— Ты заходи, Маша. Когда хочешь. Бери вишню, сколько

хочешь. Ничего тебе не скажу больше. Ты хорошая девушка. Дай тебе Всевышний счастья.

«Счастья...» — эхом отозвалось у нее в голове. Мария улыбнулась, но ничего не сказала, только кивнула. А потом позже, уже у себя на участке, увидела Ахмеда.

Как тот, серьезно насупившись, отрывает ту самую доску от забора, бросает ее на землю рядом. Тем самым давая понять Марии, что она теперь желанный гость у него. Между ними больше нет преград.

Если подумать, то ничего значительного, необыкновенного за эти десять дней не произошло. Ну помогла она старику-соседу, делала ему уколы... Необременительное занятие. Ну сварила она ему кашу с компотом (времени-то у нее — о-го-го сколько). Ну предложил ей Ахмед запросто, по-соседски, заглядывать в его сад, собирать там ягоды...

Дело вполне себе житейское, не героическое.

Но отчего так тепло на душе, откуда оно, это ощущение счастья? Да еще тогда, когда, кажется, ситуация самая тупиковая, а ближайшее будущее уж точно ничем порадовать не сможет...

На следующее утро Мария отправилась на соседский участок с большим ведром — насобирать вишни. Тут же появился Ахмед, вынырнул из-за деревьев. Сначала насупился, словно стесняясь, потом кивнул одобрительно и сообщил:

— Я к Раисе пошел, за хлебом. Тебе купить, Маша?

— Нет, спасибо, Ахмед. Я вот ягоды собираю... Можно?

– Конечно, можно! Тебе все можно, зачем спрашиваешь! – сердито закричал Ахмед и шустро убежал прочь.

Мария набрала почти целое ведро вишни. Устала. Жарко... Чирикали птицы в ветвях, где-то у дороги сигналил автомобиль, гудел в небе самолет. Но здесь, под куполом из деревьев, все звуки, доносившиеся извне, словно глохли, казались далекими. Мария стянула косынку с головы, вытерла запястьем лоб.

Сзади отчетливо треснули ветки под тяжестью приближающихся шагов. Мария была в полной уверенности, что это Ахмед вернулся из магазина.

Но это оказался не Ахмед.

Какой-то незнакомый мужчина, довольно молодой еще (во всяком случае, на вид – не старше сорока), с крупными чертами лица, темноволосый, одетый по-городскому, в летний костюм, с изумлением и неприязнью ее разглядывал.

– Вы кто, простите? – холодно спросил он.

– А вы кто? – растерялась Мария.

– Я хозяин этого участка.

«Хозяин... Да, точно, хозяин же собирался сюда приехать, сколько разговоров было... Вот и он! Как его зовут? Федор Байкалов, кажется».

– А вы-то кто? – нетерпеливо, повысив голос, спросил мужчина. – И что тут делаете?

– Вишню собираю.

– А кто вам позволил?

Только сейчас Мария заметила, что Федор Байкалов (если это был именно он) выглядит довольно скверно. То ли не спал несколько ночей подряд, то ли пил все последнее время, то ли – тоже после болезни, подобно Ахмеду. Хотя, надо признать, Ахмед сейчас – уже вполне бодрячком...

Этот же Федор – весь взвинченный, цвет лица землистый, глаза воспаленные. Ссадина на скуле. И густая полоска пыли на лбу – как если бы ехал на автомобиле с открытым окном. Да и костюм, на первый взгляд весьма пижонский, из льна, смотрелся так, будто его выстирали, выжали да так и оставили сушиться, скрученным в жгут. Чем-то он напоминал злодея из какого-то фильма (название уже не вспомнить), чью роль играл актер Хавьер Бардем...

Марии не очень хотелось отвечать на этот вопрос – кто позволил. Получается, так она подставит Ахмеда?

Поэтому она лишь пожала плечами и попятилась.

– Минутку, вы мне не ответили. Кто вы, мадам, и как сюда попали? – дрожащим от раздражения голосом спросил мужчина. – Кто вам позволил хозяйничать на чужой территории?

– Я соседка. Мария Ивановна. Живу вон там, рядом... Я только вишни собирала, и все. Ничего больше не трогала и не брала.

– Да кто пустил-то... О, а это как понимать, Марь Иванна? – Байкалов, следуя за Марией, заметил, что в заборе выломан проем. – Просто чудесно... Простота и непринужденность нравов. Никакого уважения к чужой частной собствен-

ности!

– Не говорите ерунды, – спокойно произнесла Мария. – Это деревня. Это Россия. Если пропадает урожай, принято делиться с соседями. Иные даром отдают...

– Ах, ну да, я и забыл, что живу в России. Простота и непринужденность нравов! Можно вломиться на чужой участок и всласть похозяйничать там... Забор мешает? Так мы его сейчас ломаем...

– Забор уже был сломан.

– Прекрасное оправдание, прекрасное! Забор был сломан, и потому я спокойно прошла на чужую территорию и набрала там ягод, поскольку урожай ведь пропадает! – словно передразнивая Марию, язвительно выдал Байкалов.

– Какой вы мелочный, – вырвалось у молодой женщины. С Ахмедом Мария не спорила – даже в те времена, когда они находились в напряженных отношениях. Ахмед – охранник, он не имел права пускать ее на участок, за которым присматривал. И то, что старик позволил Марии собирать в саду ягоды – это, по сути, настоящий поступок с его стороны...

От хозяина же сада, от молодого современного мужчины, можно было ожидать большего благородства и терпимости.

Но в любом случае выдавать Ахмеда Мария не собиралась. Она упорно пятилась назад.

– Куда? А это вы куда потащили?.. – Байкалов выхватил у нее ведро с вишней из рук. – Не имеете права!

– Ведро мое, – возмутилась Мария.

– Ах, пардон! – Сосед стремительно, одним движением, безжалостно высыпал, вернее, выплеснул из него ягоды. Потом протянул пустое ведро Марии.

«И ведь не жалко...» – с сожалением, с осуждением подумала она, глядя на рассыпавшуюся по земле вишню. Но спорить не стала, объяснять тоже. Бесплезно объясняться с человеком, который находится в столь истеричном состоянии.

Шагнула в проем, прочь с чужого участка.

Потом оглянулась – Байкалов приставил доску и несколько раз стукнул по ней изнутри, пытаясь приладить на старое место.

«В сущности, эта ситуация повторяется, – с иронией подумала молодая женщина. – Второй раз меня оттуда выгоняют, второй раз я наступаю на те же грабли!»

Мария засмеялась невесело и ушла в дом.

Потом, где-то через час, донеслись какие-то звуки со двора, рядом совсем. Мария выскочила на крыльцо и увидела Ахмеда. Тот выкапывал камень в огороде – тот самый, что стал расти недавно, и временами задевал металлической лопатой его поверхность.

Ахмед услышал шаги, обернулся к Марии, блестя на солнце железными зубами:

– Земля какая у тебя странная... Камни из нее выходят, ишь!

Он и сам казался сделанным из железа, несмотря на возраст, очень преклонный, и недавно перенесенную болезнь.

Спокойно копал себе землю, не показывая ни усталости, ни хоть какого-то напряжения.

Мария села на скамейку рядом.

– Как ты сюда попал?

– А так же... – Старик мотнул головой в сторону забора. – Доска все равно отходит. Хозяин приехал, велел забор чинить, а я не стал. – Лопата опять лязгнула о камень. – Злой как собака, хозяин. Все ему плохо, все не так. Что-то у него там случилось, в Москве. Сюда приехал. Говорит, будет продавать здесь все. Совсем продавать.

– Значит, правда. Не слухи это были... – кивнула Мария, не испытывая никакой потребности узнать что-то большее о Байкалове. – Погодите... Ахмед, а вы куда?

– Я куда?

– Ну да... Куда вы *потом* пойдете?

– Ай, не знаю... – все с той же, непривычной, лихой веселостью воскликнул Ахмед, копая землю. – Потом придумаю. Время есть. К осени придумаю.

«И мне к осени надо что-то придумать, – подумала Мария. – А если попросить Костика купить мне участок рядом?»

Эту мысль, помнится, подсказала Марии одна из соседок, то ли Ласунская, то ли Рожкина. Первоначально она, то есть мысль, показалась Марии глупой (с какой стати Костику делать ей столь дорогие подарки, он даже не муж ей?), теперь же увиделась вполне разумной. Достойной обсуждения, по

крайней мере.

«Если я спрошу Костю, сможет ли он купить мне участок, и он согласится сделать это, то... то жизнь моя потечет здесь, как и раньше. Если же он откажется... то... он откажется. И мне придется самой принимать решение. Только это так страшно – опять менять все. Не исключено, что я опять наделаю кучу глупостей... Я никому не нужна, я не знаю, что делать, я боюсь. Но мне надо окончательно выяснить отношения с Костиком, в любом случае. Я не смогла поговорить с братом когда-то, но с Костей я обязательно должна обсудить эту проблему. Нужна я Косте или нет, в конце концов? Нет, разрушать его семью я не собираюсь, но мне надо услышать, что я не пустое место для него...»

О Федоре Байкалове Мария даже и не вспоминала в этот вечер.

* * *

Июль в Москве – это ад. То есть дома или в машине с кондиционером эту жару еще можно вытерпеть, но Федору все эти дни пришлось бегать по присутственным местам. Раскаленный асфальт, душные приемные, потные злые люди, бестолковые и вялые секретарши...

Справок и прочих документов для оформления визы предстояло собрать немало.

Что касалось квартирного вопроса. Федор же уезжал...

Возможно, навсегда, но все равно стремно как-то расставаться с квартирой совсем. Не проще ли ее сдавать?

Желающих снять его московскую квартиру было много, несмотря на кризис и летнее затишье. Но они настойчиво предлагали снизить цену. Демпинговать?

Ладно, пока время еще есть для раздумий.

Еще надо что-то делать с домом (и с прилегающим к нему огромным куском земли) – в Дербенево. Недвижимость эта досталась Федору от родителей. Дворянское, вернее, семейное гнездо, где обитали предыдущие поколения Байкаловых. Сначала многочисленные и многодетные, потом под влиянием разных причин, исторических и личных, поколения усохли до одной семейной ветки. После безвременного ухода родителей в мир иной там еще, в Дербенево, – некоторое время обитала незамужняя и бездетная сестра матери, потом и она умерла, и последние лет пять на даче уже никто не жил. Федор нашел сторожа, который присматривал за участком, зимой топил в доме...

Самого Федора в Дербенево даже не тянуло. Очень далеко от Москвы. Слишком далеко для дачи. «Правильная» дача – это та, до которой можно добраться часа за полтора. Не больше. Да и потом, Федор никогда не являлся поклонником отдыха на пленэре, ему даже и полтора часа жалко было тратить на дорогу.

Так вот, дачу эту необходимо продать как можно скорее, для получения очередной справки. Причем можно продать

либо все целиком, либо поделив территорию на участки. Если по участкам – то это можно сделать достаточно легко и быстро. Если целиком – то по нынешним временам опять придется долго ждать покупателя...

Конечно, жалко распиливать семейное гнездо, но что поделать. Да и вообще, к черту эту глупую сентиментальность...

Кто первым заинтересуется, тому (или тем) и будет дача принадлежать.

Для этой цели Федор и отправился в Дербенево, ожидая в ближайшее время визита риелтора.

Что там еще... Да, в общем, все. С работой Федор разобрался в первую очередь – уволился из института еще в конце июня, не со скандалом, но... определенное «брожение масс» наблюдалось. Часть коллектива знала о причинах ухода Байкалова, одного из самых перспективных сотрудников, другая часть... тоже знала, но видела ситуацию совсем в ином свете.

Словом, одни считали его «незаслуженно обойденным и обманутым», вторые – выскочкой и жадным нахалом, и обе стороны активно спорили между собой.

Но ни с той ни с другой группировкой Федор уже не мог нормально общаться. Он ненавидел их всех – и тех, кто был на его стороне, и тех, кто выступал против него. Первые его не поддержали, когда надо было, вторые – до сих пор радовались его унижению.

Бороться со своим бывшим учителем, стоявшим во главе всей этой заварухи, Федор, конечно, пытался. Пока не осознал бесполезность подобной борьбы. Это же Система, с ней ему придется воевать, а не с каким-то конкретным человеком. Система, которая сложилась уже давно, еще до его рождения. Устой, сложившиеся в научном мире, не позволили бы Федору свалить с трона его учителя, могущественного профессора... С трона – то есть с места директора Института органического синтеза. Никто бы не позволил Федору безнаказанно обвинить своего учителя, известного и уважаемого человека, в присвоении чужого открытия.

Поэтому Федору проще бросить все, продать часть своего имущества и уехать в Америку. Известный университет в штате Массачусетс, который был рад всем талантливым специалистам из любой страны, пригласил Федора к себе на работу. Ему обещали свою лабораторию, где он мог бы стать полноправным хозяином. Это произошло еще зимой, в самый разгар борьбы с учителем, с Системой.

Федор, разумеется, согласился на приглашение. Тогда университет, предложивший ему сотрудничество, направил петицию в американское Министерство труда... Какое-то время пришлось ждать подтверждения из министерства. Наконец оно пришло.

Теперь Федор намеревался собрать все необходимые документы и подать их в посольство. Потом его должны будут официально вызвать туда на собеседование. Собеседование

обещали не откладывать, и оно являлось последним звеном в эпопее Федора, получавшего рабочую визу в Америке. Визу так называемой категории «О» – для особо одаренных и талантливых личностей.

Вызов из посольства на собеседование (или его еще называют – интервью) являлся в случае Федора простой формальностью. Уж слишком ценным и перспективным специалистом он являлся. Скорее всего приглашенного просто спросят о цели визита в Америку и профессиональных планах. И только. Так что сейчас для Федора главное – собрать и правильно подготовить для сдачи все необходимые справки и документы.

Вот получит он этот вызов на собеседование – и поминай как звали их с Ташей...

Таша могла выехать в Америку с Федором как член семьи, правда, без права на работу там. Кстати, не забыть бы, что на последнюю субботу июля как раз и запланировано то самое событие, которое и сделает их, Ташу и Федора, официально родными людьми...

Но эти, по сути, последние дни в Москве, заполненные ожиданием, переговорами, сидением в присутственных местах, окончательно доконали Федора.

Он ненавидел здесь все и всех. Город, людей. Эту жару, которая стояла в Москве все последние дни... Хотя там, куда он собирался уезжать, тоже летом, говорят, жарища будь здоров.

...Неприятности стали сыпаться на Федора с раннего утра.

Накануне, перед поездкой в Дербенево, он не спал полночи, разбирал весь тот хлам, что скопился в квартире за последние годы (потом, возможно, некогда будет). А когда выносил утром мешки на помойку, споткнулся, приложился скулой о входную дверь в подъезде, словно кто-то неведомый решил подставить ему подножку...

Да и джинсы еще умудрился испачкать, завтракая, пролил на них томатный сок. Пришлось надеть первое, что попало под руку... Лишь садясь в машину, Федор заметил, что летний костюм, который он нацепил на себя впопыхах, жутко мятый.

Потом, где-то на полпути к Дербенево, почти закончился бензин. На заправке сдачу Федору сознательно не дали. Пусть совсем небольшую сумму, но как же это мерзко, дело же не в деньгах, а в принципе... Чужое же. Чужое нельзя брать, нельзя, даже ни одной копейки, елки-палки, поймите вы, люди!

Потом лопнуло колесо на каком-то старом гвозде, и пришлось менять его на запасное... Проезжающие мимо фуры обдавали пылью, пока возился с «запаской» на обочине.

Мелочи все это, конечно, но, видимо, их накопилось за этот день столько, что прибыл Федор в Дербенево в самом плачевном состоянии – грязный, усталый, окончательно измятый, злой и с фингалом под глазом.

Ко всему прочему пришлось еще довольно долго стоять у своих ворот, сигналить, пытаясь привлечь внимание сторожа. Ключи от ворот и от дома Федор, оказывается, благополучно забыл в Москве. Ахмед появился позже, вынырнул откуда-то из-за угла, со старорежимной авоськой, в которой болтался батон хлеба. Оказывается, старик бегал в магазин...

Но отдыхать было некогда – завтра, возможно, уже придет риелтор, появятся покупатели. Опять же придется очередные бумажки оформлять... Поэтому, пока выдалось свободное время, Федор принялся обходить свои владения. С инспекцией, так сказать...

И сразу обнаружил на территории чужого человека. Какая-то девица преспокойно собирала вишню в его саду. И это несмотря на то, что Федор давал Ахмеду строжайшие указания – никого не пускать на участок, пусть хоть сто раз там ягоды пропадают! Если пустить посторонних в сад – от этого сада скоро ничего не останется...

Особа назвалась соседкой, какая-то там Марь Иванна. Федор никого из здешних соседей не помнил, да даже если бы и помнил эту девицу, то все равно устроил бы ей разнос.

Люди совсем обнаглели... Сломали забор, лезут прямо на участок, собирают тут ягоды...

ЧУЖОЕ НЕЛЬЗЯ БРАТЬ, НЕЛЬЗЯ!

Федор из принципа вытряхнул ягоды, которые успела насобирать эта Марь Иванна, из ведра и саму ее погнал прочь.

Потом попросил Ахмеда починить забор.

Старик вроде бы согласился, а потом куда-то исчез.

Федор обошел сад (на что ушло довольно много времени), осмотрел дом. И к счастью, никаких других разрушений не заметил. На первый взгляд все нормально. Настроение у Федора немного улучшилось. Надо бы поблагодарить сторожа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.